

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ш81

Серия «Эксклюзивная классика»

Irwin Shaw

THE TOP OF THE HILL

Перевод с английского *А. Герасимова*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств The Sayle Literary Agency и The Marsh Agency Ltd.

Шоу, Ирвин.

Ш81 Вершина холма : [роман] / Ирвин Шоу ; [перевод с английского А. Е. Герасимова]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-120126-5

Майкл Сторз — фанатик экстремального спорта, «адреналиновый наркоман». Альпинизм и серфинг, горные лыжи и дайвинг, дельтапланеризм и прыжки с парашютом, езда на бешеной скорости и даже драки в барах — воздух свободы, которым дышит он, с детства замученный опекой властной матери, а впоследствии начавший изнывать от монотонной скуки существования «успешного человека».

Страх искренне любящей жены за его жизнь лишь раздражает Майкла, ее попытки как-то наладить семейную жизнь приводят к новым конфликтам, а конфликты — к взаимному отчуждению.

Но однажды у Майкла появляется возможность бросить все. Уехать. И наконец задать себе простой вопрос: чего же все-таки он хочет? В чем видит смысл своего дальнейшего существования?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Irwin Shaw, 1979

© Перевод. А.Е. Герасимов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-120126-5

Посвящается Марион

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

В четверг, возвращаясь домой с работы, он случайно встретил на Пятой авеню Данки Олдриджа. Когда-то они выпили вместе изрядное количество пива и вообще славно проводили время и поэтому сейчас искренне обрадовались друг другу, но эта встреча оказалась роковой. В субботу утром Олдридж и еще один человек погибли.

— Ты куда пропал, Майкл? — спросил Олдридж. — Давненько не видел тебя на летном поле. Или ты прыгаешь тайком от друзей?

— Я женился три месяца назад, — ответил Майкл, полагая, что это достаточно веская причина для исчезновения.

— Поздравляю! — Олдридж хлопнул приятеля по плечу. Данки был крупный мужчина с загорелым лицом, в колледже он играл в футбол. Они с Майклом почти одновременно увлеклись парашютным спортом и совершили немало совместных прыжков.

— Ну и как оно? — спросил Олдридж.

— Все прекрасно, — ответил Майкл.

— Что, пришло время сидеть в шлепанцах у камина? — Олдридж засмеялся — им обоим было

по тридцать. — Оставил дурные привычки молодости?

— Отчасти да.

— Ты не нарушишь свой брачный обет, если выпьешь со старым приятелем?

Майкл взглянул на часы.

— До начала моего дежурства по кухне осталось тридцать минут, — сказал он.

Они присидели в баре значительно больше получаса.

— Ты по-прежнему в отличной форме, — заметил Олдридж. — Правда, похудел немного — семейная жизнь, ясное дело...

— Я отжимаюсь по утрам.

— Знаешь, у нас появилась пара рискованных новичков. В субботу утром хотим сделать вчетвером звезду. Если найдем четвертого. Кого-нибудь вроде тебя.

Майкл заколебался. После знакомства с Трейси он еще не совершал затяжных прыжков. Он был слишком увлечен своей женой и проводил с ней все свободное время. Встреча с приятелем всколыхнула старые воспоминания. Олдридж не был его близким другом, они виделись только на аэродроме и в ближайшем баре, ни разу не обедали вместе, Майкл не собирался приглашать его на свадьбу и не знал, республиканец, демократ или маоист его приятель, женат ли он, богат или беден и почему его звали так чудно — Данки. Но они прекрасно ладили, и Майкл доверял ему.

— Что ж, недурная мысль, — сказал он.

— Приводи жену. Доставь ей удовольствие. Пусть посмотрит на мужа, парящего в небе, как ангел.

— Может, и приведу. Если удастся поднять ее с постели в субботу утром.

— Объясни жене, что ей здорово повезло — она сможет познакомиться с настоящими, стопроцентными американскими парнями.

— Так и скажу, — ответил Майкл.

Он записал рабочий телефон Олдриджа и обещал позвонить.

Олдридж проявил твердость и сам заплатил за напитки — это его свадебный подарок, сказал он. Выйдя из бара, Майкл сел в такси и поехал домой, надеясь, что от него не слишком разит виски.

За обедом, накрытым на столе возле камина, он с восхищением поглядывал на жену и представлял, как загорятся глаза у Олдриджа и его приятелей, когда они увидят ее. Он рассказал Трейси о своих планах на субботу, и она нахмурилась.

— Прыжки с парашютом? — произнесла она. — Что за детская фантазия?

— Они все примерно мои ровесники.

— Ради чего ты этим занимаешься?

— Ради удовольствия, — ответил он.

Они были знакомы уже более пяти месяцев, но Майкл никогда не говорил жене о своих увлечениях. Пора, подумал он.

— А у тебя разве никогда не возникало желания полететь?

— Что-то не припомню.

— Люди мечтали об этом с древности, — сказал он. — Вспомни Икара.

— Твой пример не слишком удачен, — улыбнулась Трейси.

— Ты тоже можешь попробовать. Не обязательно сразу затяжной. Привяжешь специальный шнур, и парашют раскроется автоматически. Где еще ты увидишь такую красоту? Многие девушки занимаются этим.

— Нет уж, уволь, — решительно отказалась Трейси.

— Но ты хотя бы пойдешь со мной?

— Почему бы и нет? — Она пожала плечами. — Я хочу посмотреть, из-за чего мой муж потерял голову. В любом случае у меня нет других дел в субботу утром.

Когда они ехали в Нью-Джерси, в небе сияло солнце. Как и прежде, покидая Нью-Йорк, Майкл испытывал радостное возбуждение. Трейси, в свободном шерстяном пальто и платке, защищающем от осеннего холодка, оживленная, расцветшая, сидела рядом с ним в автомобиле; она вся светила предвкушением, словно студентка, которая едет со своим поклонником на футбольный матч и уверена, что потом их ожидает вечеринка.

— Я знаю отличный загородный ресторан неподалеку от аэродрома, — сказал Майкл, когда они пересекли Гудзон и поехали в северном направлении. Дорогу обступали деревья, убранные в багрянец и золото. — Приглашаю на ленч с отличным дайкири и омарами.

Она с любопытством взглянула на него:

— Неужели тебе ни капельки не страшно?

— Еще как страшно, — ответил он. — Я боюсь, ребята скажут, что я женился на страшилище.

Она повернулась и поцеловала его.

— К следующему разу я сделаю прическу.

Маккейн, хозяин парашютной секции, обучивший Майкла искусству затяжного прыжка, сидел у ангара с двумя другими спортсменами, собравшимися прыгать, а самолет прогревался на взлетно-посадочной полосе. Маккейн уже обозначил на влажной от утренней росы траве место приземления. Мужчины держались вежливо, приветливо, красота Трейси явно произвела на них впечатление. Маккейн, который обычно напоминал манерами бывшего сержанта, даже сказал:

— Миссис Сторз, если вы хотите подняться с нами, милости просим — места всем хватит. Мы назначим вас руководителем полета.

— Я обожду на земле, мистер Маккейн, если вы не возражаете, — ответила Трейси. — Нам в семье и одной птицы хватает.

Маккейн усмехнулся и сказал, что, если она захочет согреться, на плитке в ангаре стоит кофе.

Мужчины направились к самолету, и Олдридж шепнул Майклу:

— Везучий же ты, старина.

— Ты о чем? — словно не понимая, спросил Майкл.

— Теперь нам есть перед кем блеснуть мастерством и смелостью, вот я о чем, хитрец ты эдакий.

Маккейн разъяснил технику группового затяжного прыжка, указал, в какой последовательности они будут покидать борт самолета, напомнил, что на высоте три с половиной тысячи футов независимо от того, получилась у них правильная звезда или нет, они должны разойтись, чтобы за оставшиеся пять секунд удалиться друг от друга на безопасное расстояние и раскрыть парашюты на высоте две с половиной тысячи футов. Спортсменам все это было известно, но они слушали внимательно. Если бы Маккейн заподозрил кого-то в невнимании, то вполне мог отменить прыжок.

Они забрались в самолет, Маккейн сел за штурвал. Дверь была снята, проем оставался открытым, холодный колючий ветер врывается внутрь. Самолет набрал скорость и оторвался от земли. Майкл посмотрел в окно и увидел возле ангара крохотную фигурку в синем пальто, машущую рукой. Может быть, подумал он, когда-нибудь ему удастся объяснить ей, что это такое.

Они прыгнули с высоты семь тысяч двести футов, один за другим. На высоте три тысячи пятьсот футов мужчины встретились, взялись за руки, образовали правильную звезду и стали расходиться. Олдридж должен был раскрыть парашют последним. Сначала все шло по плану, но по причине, которая так и осталась неразгаданной, третий человек сразу же раскрыл свой парашют, Олдридж столкнулся с куполом на скорости сто двадцать пять миль в час, смял его и врезался в товарища. По заключению врача, оба погибли мгновенно,

и им не пришлось пережить ужаса падения, за которым в отчаянии наблюдали Майкл и второй спортсмен, беспомощно покачивающиеся на стропах и лишенные возможности что-либо предпринять, а также Маккейн, сидевший за штурвалом.

Она хоть не плакала, думал Майкл, когда они медленно возвращались в Нью-Йорк по дороге, изрезанной полуденными тенями, и то хорошо. Он взял Трейси за руку. Она не ответила на его пожатие и отвернулась к окну.

— Прости меня, — сказал Майкл.

— Помолчи немного, — попросила она, — пожалуйста.

Дома он налил себе виски, затем спросил жену, не хочет ли и она выпить, но Трейси только покачала головой, прошла в спальню и, не раздеваясь, прямо в пальто, словно ее знобило, легла на кровать.

Майкл задремал в кресле, поставив бокал на столик, и проснулся, лишь когда в комнату вошла Трейси, которая так и не сняла пальто и платок. Он никогда не видел ее такой бледной.

— Ты ведь больше не будешь этим заниматься, правда?

— Не знаю, — сказал он. — Может, и буду. Через неделю. Или через год.

— Через неделю? — изумленно повторила она. — Что ты за человек?

— Этого я и сам не знаю.

— Разве ты не любишь меня?

— Люблю. Но я не могу любить тебя и жить со страхом.

— Что ты хочешь доказать?

— Ничего. А может, все. Время покажет.

— Ты никогда не говорил мне об этом.

— Просто разговор не заходил.

— Теперь зашел.

— Прости, дорогая. Я не могу ничего тебе обещать.

— Я думала, тот человек был твоим другом.

— Он был моим другом. Но случись такое со мной, через неделю он прыгнул бы снова.

— Раб своего мачо, — высокомерно сказала она.

— Дело не в этом.

— Тогда в чем же?

Он пожал плечами:

— Когда я пойму это до конца, обязательно тебе скажу.

Она присела напротив него. В комнате горела одна лампа, и та в дальнем углу, лицо Трейси оставалось в тени, лишь глаза поблескивали. Она сдерживала слезы. Трейси была женщиной с характером.

— Майкл, мне надо тебе что-то сказать.

Голос ее звучал ровно, бесстрастно, и Майклу стало тревожно.

Пока Майкл спал в кресле, ему снилось, что Трейси ушла от него и он ищет ее сначала в пустой квартире, затем выходит на темную улицу и успевает увидеть лишь мелькнувшее за углом платье.

— Ты хочешь сказать, что уходишь от меня?

— Нет, — глухо ответила Трейси. — Как раз наоборот. С завтрашнего дня я перестаю принимать пилюли. Я хочу ребенка.

Майкл встал, медленно, не говоря ни слова, подошел к окну, посмотрел вниз. В свете уличного фонаря он заметил старушку с палочкой, которой помогали выйти из такси. Неотвратимость старости, близость смерти — и надо же было ему увидеть все это в тот самый момент, когда речь шла о появлении на свет маленького человека.

— Ну что ты молчишь? — спросила Трейси.

Он обернулся, сделал попытку улыбнуться.

— Надо подумать. — Майкл подошел к ней, наклонился и поцеловал в макушку. Она не шевельнулась. — Согласись, все это довольно неожиданно.

— Что же тут неожиданного? Ты можешь исчезнуть в любой миг. Вот так. — Трейси шелкнула пальцами, и в тиши комнаты раздался звук, похожий на треск ломающейся льдины. — Не хочу остаться одна — совсем одна. И вообще, мы женаты уже три месяца. Мне двадцать девять. Тебе тридцать. Ты вполне можешь не дожить до тридцати одного года. Сколько лет было твоей матери, когда ты родился?

— Какое это имеет значение?

— Сколько?

— Двадцать три.

— Вот видишь.

— Жизнь с тех пор изменилась.

— Жизнь меняется каждую секунду. Однако это не мешает людям рожать детей. — Трейси пересела на диван. — Иди ко мне, сядь рядом.

Он опустился на диван возле жены. Ее знобило. Он не должен поддаваться, подумал Майкл, как бы тяжело ей ни было.

— Я погубил свою мать, — серьезно сказал он. — Мне кажется, она умерла так рано из-за меня. Она никогда не признавалась в этом даже себе, но, думаю, она знала, что я ее ненавижу.

— Да, дети — сознательный риск.

— Притом необязательный, — сказал он. — Насколько мне известно, в Америке нет закона, принуждающего обзаводиться потомством. — Он вздохнул. — Я был жалким, замученным ребенком. В двенадцать лет думал о самоубийстве.

— Теперь тебе не двенадцать. Ты взрослый человек, у тебя хорошая работа, прекрасное будущее и жена, которая, насколько мне известно, тебя любит.

— Кстати, о моей работе.

Раз уж они коснулись этого вопроса, подумал Майкл, отчего сразу не внести в него ясность?

— Так вот, она вызывает у меня отвращение. Если бы я полагал, что мне предстоит заниматься ею вечно, то снова превратился бы в двенадцатилетнего мальчика, мечтающего о смерти.

— Мелодрама, — резко сказала Трейси.

— Называй как хочешь. Стоит завести ребенка, и я в ловушке. Таких цепей мне уже не сбросить.

— Похоже, цепи — это относится ко мне.

— Ты знаешь, я так не думаю.

— Нет, не знаю. — Трейси встала. — Пойду прогуляюсь. Сегодня я больше не желаю говорить об этом.

Она вышла из квартиры и заперла за собой дверь. Майкл присел у столика около камина и налил виски.

Когда Трейси вернулась, он по-прежнему сидел у столика перед наполовину пустой бутылкой. Она молча прошла в спальню.

Спустя два часа, пошатываясь, он тоже направился в спальню, но свет там уже был погашен. Трейси то ли спала, то ли притворялась, будто спит. Когда Майкл лег в постель, она не повернулась, как обычно, к нему, и в эту ночь впервые за время их совместной жизни они не коснулись друг друга.

Сон не приходил к Майклу. Он встал, прошел в гостиную, где оставалась недопитая бутылка виски.

«Я помню маму», — в хмельной голове Майкла всплыло название старой пьесы. Он сел и уставился в полумрак.

Глава 2

Майкл Сторз-старший погиб во время драки в баре, когда его сыну было пять лет. Лайла Сторз, мать Сторза-младшего, хрупкая, беспомощная двадцативосьмилетняя красавица, сверх меры образованная, обвиняла погибшего мужа в безответственности. Сторз-старший служил в банке своего тестя в Сиракьюсе и в кабаках появлялся нечасто. В тот раз он зашел в бар после особенно тяжелого рабочего дня, и, пока потягивал первый за день бокал виски, на его глазах завязалась кровавая драка